

Тихие, прерывистые стоны заставили Чжун Мяо беспокоиться, но она боялась слишком сильно торопить, опасаясь, что Ван Сяюй не захочет продолжать, поэтому ей пришлось проявить терпение, снова и снова глубоко вздохнув, и тихо начать описывать образ Ван Сяюй в этот момент: «Ты уже сняла одежду? Не снимай всю... медленно расстегни пуговицы, распахни одежду, покажи половину груди, прикрой другую половину, да-да, ни в коем случае не снимай всё, так не будет красиво!»

Слово «красиво» сильно воодушевило Ван Сяюй, и она не могла удержаться, чтобы не вздрогнуть всем телом. Думая о своей белой, как снег, груди, с прикрытой и одновременно выставленной на показ нежностью, которую видели посторонние, она мгновенно потеряла самообладание и протяжно вздохнула: «Ууу...»

Этот вздох достиг сердца Чжун Мяо, как весенний дождь, орошающий весеннюю траву, заставляя её безудержно расти.

Ван Сяюй сжала свой маленький бутон, торчащий на левой груди, её талия непроизвольно задвигалась, ягодички терлись о простыню, издавая тихий звук. Сухость, начавшаяся с губ, проникла глубоко в тело, словно просочившись в поры и впитавшись в кровь, не позволяя остановить эти бесстыдные движения. Обида в её сердце росла вместе с этим движением: «Чёрт возьми, неужели правда, что можно забрать невинность на тысячу ли? Это не просто выдумка в романах! Меня так измучили! Я так пуста! Так одинока! Так хочу...»

Чжун Мяо горячо прижимала телефон к щеке, ладони покрылись испариной. Ван Сяюй произносила отдельные звуки, без каких-либо описательных слов, но они излучали сдержанное обольщение. Это удивило Чжун Мяо и одновременно подавило её. Она собиралась хитростью одолеть эту мелкую сучку, а теперь каждую минуту ждала чего-то. Особенно когда тело инстинктивно отреагировало, Чжун Мяо внезапно напрягла мышцы, даже дышать боялась.

Ночь стала ужасающе глубокой.

Чжун Мяо тяжело дышала, зрачки сужались и расширялись, лицо залил румянец, она сжалась в углу дивана, чувствуя головную боль. Слабые звуки в ушах становились бесконечно громче, каждый вдох и выдох казались прилипшими к прозрачной жидкости, размыто представляя перед глазами Чжун Мяо, делая воображаемые картины ещё более захватывающими.

В этой воображаемой динамичной картине всё должно было быть так:

Мелкая сучка наполовину обнажила грудь, белоснежная и алая кожа переливались, стройное тело скрывалось за манящим пологом. Уголок полога был слегка приподнят нежной ногой, достаточно было приоткрыть щель, чтобы она могла тайно заглянуть. Самое прекрасное было то, что сохранялась прекрасная граница между видимым и невидимым. Зритель закипал от страсти, но не мог видеть всей картины, испытывал невыносимое нетерпение, но боялся необдуманно войти под полог, поэтому лишь делал вид, что спокоен, оглядываясь по сторонам, чеша затылок, сглатывая слюну.

Желать и не мочь получить – это самая интригующая и волнующая сторона любви.

Режиссёр этой сцены, известная режиссёр Чжун Мяо, очень довольная, прищурилась, с трудом облизнула губы, а затем очень бесстыдно расхохоталась: «Эмоции должны быть на уровне, нужна техника. Техника, понимаешь? Ай-ай, нельзя просто так отделаться от меня! Давай, включи своё воображение! Закрой глаза, представь, что кто-то медленно приближается к тебе, набрасывается на тебя! Прежде чем ты успеешь отреагировать, он крепко придавит тебе запястья. Ты не можешь двигаться, ты в ужасе...»

Цзян Суань всегда хотела сотрудничать с Чжун Мяо. Потому что, по слухам, режиссёр Чжун умела очень хорошо объяснять роли, могла оживить даже мёртвых, и каждый раз, снимаясь у неё, она многому училась. В этот момент у Чжун Мяо не было сценария в руках, но она говорила так, что брызги летели во все стороны.

Ван Сяоюй была не такой актрисой, как Цзян Суань, прошедшей обучение, но Ван Сяоюй играла не роль – она служила другим всей своей жизнью! Восторг и опыт, доносившиеся по телефону, заставили Ван Сяоюй в изумлении широко раскрыть глаза, и в её сердце поднялись волны: «Чёрт возьми, она притворяется слабой, чтобы поймать меня?»

Хотя внутренние переживания были сложными, мысли Ван Сяоюй были просты. Собеседница описала то, что было в сценарии, и она невольно последовала этому, закрыв глаза, раздвинув ноги и сдавленно простонав: «Ах...»

«Вошла в роль!» – пробормотала Чжун Мяо, мгновенно напрягшись, сосредоточившись на каждом звуке, который доносился до её ушей, боясь пропустить что-то важное. Если съёмка фильма была чем-то повторяемым, то этот момент был необратимым стимулом. Чжун Мяо внезапно с нетерпением ждала, как будет играть Ван Сяоюй. И это нетерпение даже превосходило её цель – разыграть Ван Сяоюй, у неё не было времени глубоко размышлять, она только слушала звук.

Ван Сяоюй почувствовала, как по спине пробежала волна жара, затем снова жара, пушок на затылке, казалось, встал дыбом, колеблясь на лёгком ветру, заставляя её душу трепетать: «Ууу... жарко, так жарко...» Небрежное бормотание вырвалось из её приоткрытых губ, мягкое, как и её колеблющийся стан, мягкое, почти растекающееся лужицей.

Тепло передавалось по радиоволнам, словно горячий ветер с побережья, растрепавший огненно-рыжие волосы Чжун Мяо, заставивший её тело, сжавшееся на диване, пылать. Разрозненные звуки Ван Сяоюй витали в ушах Чжун Мяо, а воображение, связанное с этими звуками, бушевало в её голове, словно кадры фильма, проносясь один за другим, а затем склеиваясь, образуя непрерывный короткометражный фильм.

Как смонтировать этот фильм стало тем, чего Чжун Мяо хотела сделать больше всего.

«Она придавила тебя, грубо наклонилась к твоим губам, чтобы поймать твои губы... Ты можешь увернуться? Не можешь, правда? Ты не хочешь целоваться? Нет, ты хочешь целоваться, ты уже не можешь ждать, чтобы прижаться к приближающимся губам! Тебе не хватает воздуха, тебя поглотили, украли, и ты можешь только искать немного воздуха в её промежутках. Ты в отчаянии, отчаянно вытягиваешь кончик языка, пытаешься расширить промежуток, найти больше кислорода... Да, именно так! Ты снова принуждена, опутана, поймана в ловушку, хочешь вырваться, но совершенно не имеешь возможности...» Чжун Мяо дрожаще сомкнула глаза, тихо разбивая каждое изображение словами.

Она говорила очень подробно, подавляя в горле возбуждённые глотки, динамичные кадры становились всё ближе и чётче, она даже могла видеть кожу Ван Сяоюй, похожую на застывший жир, в кадре.

На другом конце реальности, белоснежное тело Ван Сяоюй уже покрылось красным румянцем.

В секретном руководстве говорилось, что при обслуживании клиентов нужно говорить много ласковых слов. Однако Ван Сяоюй в эту ночь слышала больше ласковых слов, чем за всю свою жизнь. Она почти ничего не сказала, другая сторона сказала почти всё, что могла. И это

ощущение не было плохим. Ван Сяюй растерянно сжала ноги, пальцами сильно поглаживая свои груди, ладони, покрытые горячим потом, делали это прикосновение более влажным, более скользким и более похожим на желание. Из-за ласковых слов собеседницы её губы дрожали от желания, нежно-розовый цвет в свете ламп был неоднозначным, особенно когда лиловый цвет появлялся, нежно касаясь зубов, делая Ван Сяюй необыкновенно сексуальной.

Чжун Мяо не видела этой сексуальности, но детально воображала её.

Ли Сяовань сказала, что воображение – ужасная вещь.

А в этот момент Чжун Мяо была полностью поглощена этим ужасным делом, не в силах вырваться, она хотела бы превратить свои глаза в камеры, чтобы запечатлеть все возможные сюжеты. Запечатлеть изящные позы Ван Сяюй, запечатлеть изгибы, доносящиеся по телефону. Некая неудержимая эмоция постепенно разливалась в сердце Чжун Мяо, заставляя её дыхание инстинктивно подстраиваться под дыхание собеседницы.

«Мне так жарко, так жарко... воды... мне нужна вода...» – Ван Сяюй, облизывая потрескавшиеся губы, сладко вздыхала.

«Чёрт, как жарко!» – взревела Чжун Мяо в душе, протянула руку и немного оттянула воротник, но всё равно было так жарко, что по спине пробежал озноб, заставляя её непроизвольно откинуться на спинку дивана, пока она не почувствовала холодную кожу, что немного успокоило её.

Телу Ван Сяюй некуда было отступать. Её кровать и кожа почти слились воедино, обжигая до ужаса. На беспорядочной кровати, кроме тонкого одеяла, было только пылающее тело Ван Сяюй. Оно не давало ей нигде спрятаться, никуда выплеснуть энергию. Жар и беспорядок смешивались со всеми чувствами Ван Сяюй. Это называлось ** (любовью), когда оно приходило, оно было как наводнение, смывающее характер и гордость.

«Хочу... уу... я хочу... ах...» – Ван Сяюй инстинктивно застонала, её голос, словно его кто-то сжимал, стал обрывочным.

Но эти обрывочные звуки, отражаясь в ушах Чжун Мяо, были страстными, как бензин, пролитый на пламя, мгновенно сгоревший дотла. Несмотря на желание оставаться спокойной, на самом деле она уже не могла успокоиться. Чжун Мяо глубоко вздохнула, свернулась калачиком, внезапно почувствовав себя опустошённой, от подошв до корней волос пробежала короткая дрожь.

Краткая пауза между ними, как ещё одно намеренное оставление места для воображения.

«Ты, чего ждёшь?» – спросила Чжун Мяо, тяжело дыша, с ноткой злости в голосе. Не дожидаясь ответа Ван Сяюй, она продолжила: «Ты, ты действительно умеешь флиртовать! Я ещё не начала главное, а ты уже вошла в роль? Иметь хоть какую-то профессиональную этику!» Чжун Мяо почти жалуясь бормотала, она немного обижалась на Ван Сяюй, но ещё больше на себя. Будучи успешным режиссёром, она потеряла голову раньше, чем актриса достигла пика, что это такое? К тому же, Ван Сяюй нельзя было назвать актрисой. Думая так, её тон стал хуже, но сердцебиение участилось.

Ван Сяюй была ошеломлена, совершенно не понимая, что происходит. Она так искренне старалась угодить этому человеку, а её называли «распутной»? Разве без этого она получила бы хорошую оценку? Разве без этого она могла бы закончить эту сделку раньше? Разве без этого её звали бы Ван Сяюй? В этом мире есть люди, которые считают другую сторону распутной?

Ван Сяоюй совершенно не понимала, в чем она ошиблась, и тут же возразила: «Клиент, вы говорите, что я не распутная, а что я вам продаю?»

Чжун Мяо, конечно, не знала, как ответить на этот вопрос, её глаза быстро заблестели, уголки рта изогнулись в улыбке, и она глубокомысленно сказала: «Не шути! Я имею в виду, что хотя ты и флиртуешь, этого недостаточно!»

«Пф...» – Ван Сяоюй причмокнула губами, нахмурилась, снова погрузившись в растерянность и противоречие: «Чёрт! У меня уже охрип голос, и этого недостаточно?»

Между «распутной» и «достаточно распутной» лежала огромная пропасть.

Чжун Мяо была очень довольна своим определением, изогнув брови, она довольно улыбнулась.

«Тогда скажи, как мне стать ещё более распутной!» – Ван Сяоюй просто растянулась на кровати, принимая позу «мне всё равно, делай что хочешь», в её словах больше не было прежней застенчивости: «Женщина, зачем женщине мучить женщину, может, ты попросишь один раунд, чтобы я поучилась?»

Ход Ван Сяоюй был очень точным, Чжун Мяо мгновенно покраснела от смущения. Она была мастером в объяснении ролей, но не в игре. К счастью, Чжун Мяо быстро пришла в себя и притворилась разъярённой: «Эй, я твой клиент, что это за отношение? Ты хочешь, чтобы я заплатила, а потом ты продавала мне свою распутность? Я поставлю тебе плохой отзыв!»

«Плохой отзыв?» – Ван Сяоюй резко вдохнула, её тело подскочило с кровати, грудь быстро вздымалась: «Нет-нет, извините, это я потеряла самообладание. Не сердитесь, я вам дам ещё один раунд, ещё два раунда – всё, что угодно! Только не... это новый магазин, пожалуйста, будьте снисходительны!»

Чжун Мяо удовлетворенно прищурилась, представляя, как Ван Сяоюй почтительно кивает ей и кланяется в подобострастной позе, и на душе у неё стало так хорошо: «Мелкая сучка, и у тебя бывает такой день!»

«Купи один, получи три, как насчёт этого?» – Чжун Мяо прочистила горло и предложила решение.

«Чёрт, это значит, что я буду кричать для тебя бесплатно!» – внутренне Ван Сяоюй понеслась вскачь, но вслух больше не смела говорить ерунды, только осторожно торговалась: «Эм, купи один, получи два, подойдёт?»

Услышав тихий, заикающийся голосок в телефоне, Чжун Мяо получила своё удовольствие, но всё ещё сохраняла тон, холодно рассмеялась: «Ещё торгуешься? Не боишься, что я пожалуюсь в службу поддержки?» Она собиралась пожаловаться, но не на Ван Сяоюй, а на тот тёмный магазин, где продали голосовой модулятор.

Но эти слова очень хорошо подходили сюда, напугав Ван Сяоюй до того, что она снова обмякла: «Купи один, получи три! Я согласна!»

«Тогда давай скорее начнём ещё один раунд!» – Чжун Мяо, кусая палец, тихонько рассмеялась.

Вторая волна страсти быстро пришла!

Чжун Мяо ещё не успела создать сюжет, как уши уже наполнились завораживающим голосом.

Время перевалило за полночь, лунный свет был не ярче уличных фонарей, нечётко пробиваясь сквозь стекло и занавески.

Ван Сяоюй, даже не задумываясь, знала, что эта сделка будет убыточной. Чувствовать убыток было неприятно, особенно чувствовать убыток и ** одновременно, было ещё хуже! Она прикусила нижнюю губу, лёгкий привкус крови заставил Ван Сяоюй нахмуриться, меланхолия смешивалась с текущими ощущениями, опуская её сердце: «Хочешь распутства? Тогда я покажу тебе распутство! Не брызгай кровью из носа! Хм!»

Когда человек принимает решение, дело становится проще.

Что касается плохой игры в прошлый раз, Ван Сяоюй считала, что у неё был слишком сильный «груз идола»! Как юная и красивая, невинная девушка, разве она могла не иметь немного гордости и сдержанности? Женщина, которая распахивает воротник, раздвигает ноги и кричит как убитая свинья, может ли это быть она, Ван Сяоюй? Определённо нет!

«Оу-оу... уу... почему ты ещё не подошёл?» – звучал голос, словно окроплённый водой, кто ещё мог это кричать, кроме Ван Сяоюй? Ван Сяоюй была поражена соблазнительным звуком, вырвавшимся из её уст, её лицо покраснело, и она поспешно прикрыла глаза, словно боясь, что собеседник увидит её глаза, полные страсти.

«Прийти? Прийти к твоей сестре!» – прокляла Чжун Мяо про себя, вытирая пот со лба.

На этот раз, переданный по телефону звук был очень красивым. Вся сила была сосредоточена на среднем «уу», просто слушая, можно было услышать резонанс в брюшной полости, как будто кто-то тайно прикоснулся и ущипнул чувствительное место, заставив Ван Сяоюй вздрогнуть всем телом, её голос внезапно напрягся, а затем расслабился с наслаждением, она тихо издала такой неопределённый звук: «Уу...»

«Эй-эй, разве подаренное не требует процесса? Неужели ты так быстро возбудилась?» – внезапно повысила голос Чжун Мяо, её верхняя и нижняя части тела напряглись.

Двухместный диван казался недостаточно длинным и широким, сколько бы поз она ни меняла, она не могла найти комфортного положения. Грудь словно была заполнена воздухом, не могла успокоиться, поэтому ей пришлось притвориться свирепой и, раздражённо, рывкнуть: «Опять халтуришь? Плохой отзыв! Плохой отзыв!»

Ван Сяоюй была в ужасе, её прекрасное лицо чуть не побледнело, она, повысив голос, спросила: «Милый гость, чего же вы хотите от рабыни?» Говоря это, она непроизвольно покачала своей тонкой талией, в конце фразы слегка прикусила губы, застенчиво, как маленький цветок, ожидающий сбора.

Теперь настала очередь Чжун Мяо удивляться, её сердце заколотилось: «Это серьёзно?»

«Я занимаюсь настоящим делом!» – подумала Ван Сяоюй **, её слова становились ещё более безрассудными: «Милый гость, не стесняйтесь, рабыня не может больше ждать. Вы... поторопитесь!» Несколько стыдных реплик вылетели легко, словно Ван Сяоюй от природы была такой распутной, играя во флирт, она была просто мастером.

Но когда Ван Сяоюй посмотрела на себя в зеркало, ситуация была иной. Она должна была быть чистой, с маленькими ямочками на щеках, когда улыбалась, её маленькое розовое личико нигде не выдавало распутности. Ван Сяоюй была милой девушкой, так говорили старики. А

сейчас Ван Сяоюй определённо не была милой девушкой. Ван Сяоюй была потрясена своим длинным размышлением, её губы непроизвольно сомкнулись, остановив соблазнительные слова на полпути, внезапно проявив сдержанность.

«Ты, почему ты снова остановилась?» – заикаясь, сказала Чжун Мяо, отчаянно царапая кожаный диван. Она просила Ван Сяоюй замедлиться, Ван Сяоюй ускорялась; она хотела, чтобы Ван Сяоюй ускорила, Ван Сяоюй замедлялась! Это всё намеренно? Так сложно получить удовольствие? Рёв Чжун Мяо бушевал в её сердце, как песчаная буря в пустыне.

«Получить удовольствие? Получить удовольствие!» – Чжун Мяо тихо пробормотала, внезапно вздрогнув, её глаза расширились от недоверия. Сильная паника заставила её неконтролируемо встать, она кружила по гостиной, как безголовая муха, правая рука никак не хотела опускать телефон, волны в сердце продолжали бушевать: «Это определённо мелкая сучка накачала меня наркотиком! Как я могу получить удовольствие от неё? Как это возможно! Где мой вкус? Нет, нет, я не могу быть соблазнена! Я должна её наказать! Спокойствие! Чжун Мяо, успокойся!»

«Уу... жарко, можешь помочь мне снять одежду? Мне так жарко... сними для меня!» – Ван Сяоюй снова легла, левой рукой подзывающе махнула, сильнее скрестив ноги, прикрывая интимное место. Тонкое одеяло было под ней, плотно прижато, что давало Ван Сяоюй немного уверенности, когда она говорила ласковые слова.

Клац –

Чжун Мяо, казалось, услышала звук «спокойствия», разбивающегося на части, температура тела снова резко поднялась на несколько градусов, стало так сухо, что она отчаянно сглотнула дважды. Придерживая голову, она бросилась в спальню, упала на кровать и тяжело дышала. Она немного пожалела, что позвонила, ухо, прижатое к телефону, покраснело от трения.

Видя, что другая сторона долго не отвечает, Ван Сяоюй, полная желания, не могла больше ждать. Те две скрещенные ** ноги непроизвольно начали тереться друг о друга, словно тайно успокаивая это чувствительное тело. По мере увеличения амплитуды движений, сильный прилив жара, исходящий из низа живота, заставил её забыть о сдержанности, губы и зубы слегка разжались, и она действительно застонала: «Ох... уу...»

Один звук в правом ухе, другой в левом ухе, один стал мелким и хриплым, пройдя через радиоволны, другой, пройдя через стену, уменьшил громкость, но не смог уменьшить чарующий **. Чжун Мяо запрокинула голову, не мигая смотрела на белую стену, словно желая проникнуть взглядом за стену, сквозь проклятую 501, чтобы лично увидеть, что за трюки вытворяет эта ненавистная мелкая сучка! Посмотреть, сняла ли она эту одежду, или нет, или она только собиралась её снять... Богатая фантазия Чжун Мяо снова заработала, и перед её глазами снова возникла Ван Сяоюй с наполовину обнажённой грудью и распутной, похотливой ухмылкой.

«Хочу, хочу... уу...» – Ван Сяоюй инстинктивно пела, её тело извивалось всё сильнее, словно ей было невыносимо, словно она чего-то отчаянно желала. Она сама не понимала, что происходит, никто не направлял её, даже конкретной картины не было, но её тело было необычайно возбуждено, заставляя её ждать, пока собеседник что-нибудь скажет, в идеале – горячие ласковые слова, как в прошлый раз.

Однако Чжун Мяо действительно не могла сказать ни слова, только с надеждой смотрела на белую стену, тяжело и часто дыша. Она думала, действительно ли Ван Сяоюй была увлечена, или это была игра. Но по нескольким стонам она совершенно не могла судить. Однако

внутренний поток тепла заставил её почувствовать себя отчётливо, словно обжигающая жидкость мгновенно пролилась по всему телу, устремившись к голове, заставив её ноги обмякнуть, и она почти упала, прислонившись к стене.

В этот момент с другой стороны стало слышно ещё отчётливее.

«Уу... ох... что делать, так больно...

<http://bllate.org/book/19159/1881291>